ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.Е. Шаститко
д.э.н., профессор,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

Н.С. Павлова
к.э.н., старший научный сотрудник,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

ЧЕМ ПОЛЕЗЕН ПОЗИТИВНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС ДЛЯ АНТИТРАСТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ? (о работе Герберта Ховенкампа «Технологические монополии»)[1]

Аннотация. В статье представлены размышления о книге ведущего специалиста в области антимонопольного права Герберта Ховенкампа «Технологические монополии» в свете развития обмена идеями между специалистами в области экономической теории (в первую очередь теории организации рынков) и конкурентного права в условиях повсеместного распространения цифровых технологий. Представлены комментарии к объяснению некоторых общих пределов антимонопольной (конкурентной) политики с использованием ретроспекции междисциплинарного дискурса и предложенного Ховенкампом подхода. Рассмотрены варианты антиконкурентных действий крупных технологических компаний по Ховенкампу в контексте таких ключевых характеристик объекта регулирования, как двусторонние рынки, цифровой контент и сетевые эффекты. Раскрыты характеристики регуляторной реакции на новые вызовы и показано, почему представленное автором «Технологических монополий» видение предмета может быть квалифицировано в терминах коузианства.

Ключевые слова: *антитраст, коузианство, междисциплинарный дискурс, ограничения конкуренции, технологические компании.*
JEL: A12, K21, L40
УДК: 004, 346.546
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_200_213
© А.Е. Шаститко, Н.С. Павлова, 2026
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Шаститко А.Е., Павлова Н.С.* Чем полезен позитивный междисциплинарный дискурс для антитраста в цифровую эпоху? (О работе Герберта Ховенкампа «Технологические монополии») // Вопросы теоретической экономики. 2026. №4. С. 200–213. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_200_213.

FOR CITATION: *Shastitko A., Pavlova N.* How is constructive interdisciplinary discourse beneficial to antitrust in the digital era? (On Herbert Hovenkamp's "Tech Monopoly") // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 4. Pp. 200–213. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_200_213.

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Введение

Сегодня трудно представить себе повседневную жизнь без цифровых платформ; рынков, на которых пользователям в «два клика» предоставляется информация о товарах и услугах; сервисов доставки и шеринга... Между тем ещё буквально 20–25 лет назад экономисты-исследователи за редким исключением, в числе которых, например, Роше и Тироль [*Rochet, Tirole*, 2003], не задумывались над тем, к каким фундаментальным сдвигам в экономической системе приведёт становление рынков с цифровыми платформами, развитие технологий сбора, обработки и использования больших данных, формирование цифровых экосистем, распространение технологий генеративного искусственного интеллекта и т.п. Менее чем за одно поколение техника и технология совершила рывок, который вполне вписывается в логику макроизобретений по Д. Мокиру [*Мокир*, 2014].

Фундаментальные вопросы, которые возникают в связи с такими изменениями — как они сказываются на общественном благосостоянии, каковы распределительные эффекты? Оптимисты обратили бы внимание главным образом на позитивные эффекты, пессимисты — на «изнанку» цифровизации экономики, но вряд ли кто-то останется равнодушным (сторонники нейтральных эффектов). Перспективной, на наш взгляд, является идея амбивалентности цифровизации по эффектам для общественного благосостояния, выигрышей конечных потребителей [*Шаститко и др.*, 2019]. Такая амбивалентность — вызов для всей системы государственного регулирования. Не является исключением и антимонопольная политика, построение которой в новых условиях должно давать простор новым каналам конкурентного давления, благоприятным для конечных потребителей и общественного благосостояния; блокировать новые способы антиконкурентного поведения; сохранять регуляторный status quo там, где лекарство (в виде антимонопольных запретов) может оказаться опаснее болезни (новых способов монополизации рынков), пока не будет найдено средство купирования негативных побочных эффектов регуляторного вмешательства. Такой подход в полной мере соответствует коузианскому (функциональному) варианту построения конкурентной политики[2] в отличие от двух видов фундаментализма — либерального и регуляторного [*Шаститко*, 2021; *Шаститко, Павлова*, 2022; *Павлова, Шаститко*, 2024].

Однако, как минимум для перспективности такого подхода, необходимо обеспечить его убедительность, восприимчивость в рамках общественного выбора. И в этом плане, на наш взгляд, многообещающим является позитивный вариант организации междисциплинарного дискурса, в фокусе которого — обеспечение сопряжённости, совместимости правовых концепций, стандартов доказывания, принятых в правоприменении, с экономическими теориями, релевантными для обсуждения вопросов защиты и развития конкуренции. К сожалению, здесь мы обнаруживаем проблему преодоления междисциплинарного барьера — в первую очередь, так называемые прагматические фильтры[3]. Вместе с тем в современной литературе есть работы, которые показывают, что такие барьеры всё же преодолимы, а кооперация специалистов в области права и экономики возможна. В их числе работа Герберта Ховенкампа «Технологические монополии» [*Ховенкамп*, 2025], которая впервые увидела свет в 2024 г., а уже в 2025 г. была опубликована на русском языке.

---

[2] В этой статье мы сознательно не делаем различий между антимонопольной и конкурентной политикой, поскольку обсуждаемые вопросы не связаны с критичностью такого рода различий, а также чтобы не усложнять чрезмерно изложение. Более подробно о соотношении антитраста (антимонопольной политики) и конкурентной политики см. в [*Авдашева, Шаститко*, 2010].

[3] Напомним, что прагматическими называются фильтры, преодоление которых позволяет ответить на вопрос не только относительно содержания сообщения, но и его пользы для принятия решения (действия и/или бездействия).

Г. Ховенкамп — правовед[4], один из самых цитируемых специалистов по американскому антимонопольному праву[5]. Но профессиональный интерес к конкурентному праву предопределяет необходимость достаточно глубокого знакомства с экономическими концепциями. Фундаментальная причина в том, что основные рабочие нормы антимонопольного законодательства — оценочные, применение которых требует специальных знаний, в первую очередь полученных в результате фундаментальных и прикладных экономических исследований. В этом смысле новая книга, на наш взгляд, представляет собой успешный пример междисциплинарного дискурса. При этом «Технологические монополии» не только обрисовывают некоторые важные проблемы, достижения и развилки дискуссии вокруг антимонопольного регулирования новых цифровых компаний (прежде всего — цифровых платформ), но и сжато излагают и краткую историю антимонопольного регулирования (прежде всего, в США), и множество концептуальных элементов антитраста, которые необходимы для базового понимания темы. Таким образом, книгу можно рекомендовать не только как работу о современных крупных технологических компаниях, но и как довольно компактное введение в тему антитраста в принципе, заодно объясняющее, как базовые концепции прилагаются к конкретному объекту[6].

Стоит также обратить внимание на то, что взгляд Г. Ховенкампа — это взгляд не просто правоведа, но правоведа из определённой институциональной среды. Несмотря на наличие универсального компонента антимонопольной политики, изложение в книге базируется на реалиях прежде всего законодательной и правоприменительной системы США (с отдельными отсылками к европейской системе) — в частности, на определённых теориях вреда и стандартах доказательства. Прямой перенос выводов на действительность других стран — как и прямой импорт институтов — был бы ошибкой. Российское антимонопольное правоприменение, хотя и использует некоторые стандартные элементы, которые можно представить себе в виде типовых строительных блоков, тем не менее зачастую наполняет их иным содержанием, использует иные связки и имеет свой пул наработок и кейсов, связанных с цифровыми рынками. Об этом стоит помнить, интерпретируя отдельные положения книги. В то же время многие выделенные в работе особенности и проблемы крупных технологических компаний представляют актуальный вызов и для российской антимонопольной политики — тем более, что, в отличие от многих других стран, Россия обладает своими крупными технологическими платформами во многих базовых цифровых отраслях, которые составляют прямую и успешную конкуренцию зарубежным аналогам [*Lianos, Ivanov*, 2019].

В данном обзоре мы представим объяснение некоторых общих пределов антимонопольной (конкурентной) политики в свете ретроспекции междисциплинарного дискурса и предложенного Ховенкампом подхода. Далее мы обсудим варианты антиконкурентных действий крупных технологических компаний, по Ховенкампу. Наконец, в завершение, рассмотрим подходы к регуляторной реакции на новые вызовы.

---

[4] Профессор Университета Джеймса Дж. Динана на юридическом факультете Пенсильванского университета и в Уортонской школе Пенсильванского университета.

[5] CONCURRENCES. Antitrust publications & events. URL: https://www.concurrences.com/en/all-books/herbert-hovenkamp-liber-amicorum (access date: 24.08.2026).

[6] Для начала внесём ясность, какие, по мнению Ховенкампа компании следует называть технологическими: «Технологической следует считать компанию, которая либо разрабатывает цифровые технологии, либо использует их как важнейшую составляющую своего производства или дистрибуции» [*Ховенкамп*, 2025. С. 10].

Пределы конкурентной политики

Антитраст — особое направление экономической политики государства, поскольку как утверждает Ховенкамп, «…возникает сильное искушение сделать антимонопольное законодательство регулятором всей экономики, поскольку антимонопольные законы носят весьма общий характер и поразительно лаконичны» [*Ховенкамп*, 2025. С. 25]. Один из способов определения в общем виде пределов конкурентной политики был предложен Ховенкампом в анализируемой книге: «… антимонопольное право является "остаточным" регулятором, или системой, которая отвечает за конкуренцию там, где не действуют другие регулирующие положения» [Там же. С. 25]. Подобное особое положение антитраста характерно не только для правоприменения в США. Россия не является исключением из данной тенденции, что проявляется и в конкретных кейсах (см., например, феномен «пикалёвского синдрома» [*Шаститко*, 2012]), и в чрезвычайной широте сфер ответственности российского антимонопольного органа на фоне зарубежных аналогов [*Цыганов, Павлова*, 2017].

Здесь же нельзя не вспомнить длящуюся дискуссию о том, распространять ли антитраст на такие факторы, как политическая власть, справедливость, трудовые отношения или изменение климата [*Ховенкамп*, 2025. С. 42]. Предметное обсуждение данного вопроса вряд ли может обойтись без ответа на другой — какова роль экономической науки в антитрасте? Однако и его обсуждение, увы, не даёт определённого ответа, что обусловлено в том числе особенностью наполнения данной дисциплинарной области. Один из вариантов ответа предложил соавтор другой популярной книги об антитрасте в цифровой экономике — А. Эзрахи. В статье 2017 г. [*Ezrachi,* 2017], в частности, используется метафора пористой губки («sponge», название статьи) для объяснения способности конкурентной политики вбирать в себя различные смежные цели, помимо собственно защиты конкуренции. Экономическая теория при этом становится защитной оболочкой, которая — благодаря своим научным стандартам — не позволяет группам интересов беспрепятственно захватывать конкурентную политику для решения своих задач.

Ховенкамп, в свою очередь, также указывает на исторически тесную взаимосвязь экономической науки и антимонопольного права, но одновременно отмечает, что «большая часть экономической науки, применяемой сегодня в антимонопольном праве, не относится ни к высокой теории, ни к передовым разработкам. Одно из её самых ценных применений — предотвращение глупых ошибок» [*Ховенкамп*, 2025. С. 42]. Эта позиция хорошо характеризует восприятие роли экономической теории юристами, к которым относится и Ховенкамп, и, бесспорно, эта позиция в определённой мере справедлива. Конкретные причины такой ситуации, которую по-другому можно было бы охарактеризовать как ограниченный спрос на продвинутые экономические теории и эмпирические методы в антитрасте, объясняются различными стандартами доказательств, устанавливаемых в отношении правонарушений в разных юрисдикциях, которые в том числе предопределяются целевой функцией антимонопольных органов (см., например, [*Katsoulacos et al.*, 2021a, b]). Самое простое объяснение, пожалуй, можно сформулировать следующим образом: в консалтинге (а фактически речь идёт именно о нём, а не об академических исследованиях антитраста, которые могут применять и довольно продвинутые методы) наиболее востребованы те достижения экономической науки, которые проходят семантический фильтр у юристов и судей: обеспечение *понимания* обладателями специализированных правовых знаний того, что хотят сказать экономисты применительно к конкретному антимонопольному делу. Неудивительно, что наиболее «передовые» разработки не входят в круг наиболее востребованных, учитывая, что их результаты за счёт своей новизны могут восприниматься как спорные даже специалистами-экономистами. При этом, как показывает опыт, повысить востребованность и проникновение

экономических разработок вполне возможно — например, через программы дополнительного образования для судей [*Baye, Wright*, 2011]. Кроме того, не стоит забывать, что за пределами консалтинга важной областью востребованности продвинутых экономических теорий и методов является доказательная политика в области антитраста [*Ставнийчук, Павлова*, 2023].

Тот факт, что Ховенкамп смотрит на экономическую теорию именно глазами юриста, подтверждает и то, что в своей работе он обращает специальное внимание лишь на две (пусть и очень важные) традиции в исследовании антимонопольной мысли — гарвардскую и чикагскую школы, которые, по-разному расставляя акценты в части значения структуры рынка и поведения на нём отдельных участников, делают разные выводы относительно регуляторной реакции на действия компаний с признаками монополизации рынков (монополистической деятельности). В целом чикагская школа придерживается минималистского варианта антитраста в силу более мягких оценок вертикальных ограничений, соглашений по поводу патентов и т.д., тогда как гарвардское направление делает ставку на анализ структурных характеристик рынков, недооценивая роль поведения компаний на рынке как самостоятельного фактора [*Ховенкамп*, 2025. С. 47–48].

Вместе с тем для полноты картины, на наш взгляд следует добавить не только упоминаемых в работе Ховенкампа необрандейзианцев[7], второе дыхание к которым пришло именно в связи с появлением на рынках цифровых (технологических) гигантов [*Ховенкамп*, 2025. С. 49–50], но и австрийскую школу в экономической науке, многие из представителей которой считали антитраст как таковой одним из способов ограничения конкуренции и продвигали нормативный вывод о необходимости отказа от антимонопольного законодательства в *любой* форме [*Арментано*, 2005; *Boudreaux, Di Lorenzo*, 1993]. Как нам представляется, аргументация со стороны австрийской школы, как минимум, заслуживает внимания при обсуждении новых форм экономической организации, контрактных отношений, общественно эффективных вариантов регуляторного воздействия, связанных с цифровизацией экономики.

Обусловленность определённой институциональной средой при этом проявляется в деталях изложения даже базовых концепций. Вот три примера:

1. Антимонопольные дела против монополий постулируются как более сложные и дорогостоящие, чем дела против картелей: «В целом вести дела против отдельных фирм значительно сложнее и дороже, чем против картелей или соглашений о сотрудничестве» [*Ховенкамп,* 2025. С. 21]. Вместе с тем данный тезис не так однозначно справедлив, например, для российского правоприменения. Так, в США статус экономической теории в антимонопольных расследованиях редко позволяет доказывать существование картеля только на основании косвенных улик и требует доказательства наличия соглашения — это прямые улики уровня «дымящегося пистолета» («smoking gun»). Но в таком случае основную проблему составляет первоначальное обнаружение тайного соглашения, и данную проблему решает работающая программа ослабления наказания (leniency program) для признавшихся (хотя говорить на этом основании о расследованиях картелей как о «лёгких» всё равно не приходится). В России эффективность программы ослабления наказания снижена за счёт ряда факторов [*Шаститко, Павлова*, 2014; *Шаститко, Павлова*, 2015], а доказательства сговора на основе косвенных свидетельств достаточно распространены, что обусловливает уровень затрат на выявление сговора и проведения расследования[8]. В то же время дела о злоупотреблении доминирующим положением

---

[7] Современные последователи судьи Верховного суда Л. Брандейса (1856–1941), выступавшего против слишком, по его мнению, высокой концентрации экономической и политической власти в «частных руках».

[8] Частично решить данную проблему, возможно, позволит ГИС «Антикартель» [*Шаститко, Павлова*, 2025; *Авдашева, Корнеева, Юсупова*, 2025].

по количеству значительно опережают дела о сговоре[9], что служит косвенным свидетельством их сравнительно меньшей «затратности» с точки зрения ресурсов (данная интерпретация безусловно также зависит от степени распространённости различных нарушений);

2. «Ещё одно возражение против крупных фирм заключается в том, что они обладают большей политической властью. Этот аргумент часто выдвигается и против крупных технологических компаний. Однако исторически больше антиконкурентного политического влияния исходило от торговых ассоциаций... Они, как правило, состоят из более мелких фирм» [*Ховенкамп*, 2025. С. 66–67] — аналогичная история политического влияния преимущественно со стороны ассоциаций мелких фирм в России отсутствует;

3. Объяснение попыток решения гражданских споров через инструментарий антимонопольного законодательства (а также — попытки de facto борьбы с конкурентами путём обвинения их в нарушении антимонопольного законодательства) перспективами получения трёхкратного возмещения убытков [Там же. С. 123]. В США есть возможность трёхкратного возмещения ущерба в рамках гражданских исков по антимонопольным правонарушениям, однако в России частные иски о возмещении ущерба гораздо менее развиты, а трёхкратной компенсации не предусмотрено, хотя, как отмечалось выше, попытки решать неантимонопольные споры через антимонопольные методы также существуют.

Подчеркнем, что наличие такого рода особенностей не исключает некоторых универсальных постулатов применительно к экономике антимонопольного правоприменения. Например, Ховенкамп утверждает, что «антимонопольное регулирование — весьма неподходящий инструмент для перераспределения богатства» [Там же. С. 74]. Причина в том, что в отличие от других направлений экономической политики — налоговой или социальной — оно не предназначено для целенаправленного распределения выгод и обязательств между группами. Основная цель антимонопольного законодательства, по мнению Ховенкампа, — «…увеличить общий пирог, а не определять, как его следует делить» [Там же. С. 74]. Вот почему целенаправленная защита интересов отдельных категорий участников рынка чревата подменой не только понятий, но и целей конкурентной политики, хотя в реальной ситуации общественного выбора избежать этого крайне проблематично. Почему? Получение общественной поддержки применяемым инструментам конкурентной политики, как минимум, должно проходить семантический фильтр (на понимание). Однако обсуждение вопросов защиты и развития конкуренции в терминах Парето-оптимальности, статической и динамической эффективности, аллокативной эффективности выглядит менее привлекательно, чем, например, защита интересов конечных потребителей как наименее защищённых участников рыночных отношений.

Антиконкурентные действия крупных технологических компаний

Для объяснения антиконкурентных действий крупных технологических компаний Ховенкамп выделяет три их особенности [Там же. С. 97–98]: 1) преимущественное их действие на двусторонних рынках; 2) специфика цифрового контента; 3) сетевое взаимодействие.

Феномен *двусторонних рынков* тесно связан с объяснением характеристик спроса на услуги в ситуации, когда платформа обеспечивает взаимодействие между двумя функционально различными группами. Впервые об этом написали около 25 лет назад Роше и Тироль [*Rochet, Tirole*, 2003] в работе, которую можно считать отправной точкой

[9] См., например: [ФАС России (2026). Доклад о состоянии конкуренции за 2025 г. ФАС. URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/doklady_o_sostoyanii_konkurencii (дата обращения: 20.08.2026)].

в систематическом исследовании рынков с цифровыми платформами. Также речь идёт о переосмыслении практики, существовавшей много десятилетий: платформенной организации нецифрового бизнеса (эфирное радио и телевидение, газеты, журналы [*Ховенкамп*, 2025. С. 119–120]). Вместе с тем, комментируя выявленные характеристики, нельзя не обратить внимание на некоторые обстоятельства, свидетельствующие об ограничениях междисциплинарного дискурса. Ховенкамп подаёт функционирование многих крупных технологических компаний на двусторонних рынках как общий случай и отмечает важность данного обстоятельства для построения антимонопольной регуляторики в части как оценки практики ценообразования, так и измерения рыночной власти. Акцент при этом делается на феномене нулевой цены, когда одна группа пользователей платформы платит нулевые цены (в денежном выражении), а монетизация возникает за счёт оплаты услуг другими группами пользователей (например, рекламодателями). При этом среди экономистов продолжается дискуссия, действует ли та или иная компания, контролирующая цифровую платформу, на многостороннем (в частном случае — двустороннем) рынке или же на нескольких связанных рынках. Данный вопрос, в частности, раскрыт в [*Шаститко, Маркова*, 2020], где представлены объяснения, в каких случаях есть основания считать рынки многосторонними с цифровыми платформами, а в каких — связанными (и односторонними, «обычными»), несмотря на то что в обоих случаях имеют место косвенные сетевые (внешние) эффекты[10]. Эта деталь важна, чтобы *не* утверждать: наличие цифровых платформ на рынках является достаточным основанием квалифицировать их как двусторонние (многосторонние).

К вопросу о многосторонности примыкает вопрос о специфике *цифрового контента*, который имеет совершенно иную структуру затрат и производства, чем контент традиционный [*Ховенкамп*, 2025. С. 98]. В первую очередь речь идёт об околонулевых предельных издержках копирования при наличии значительных постоянных издержек. Подмеченная особенность имеет ещё большее значение для правопорядков, в которых активно применяются запреты на монопольно высокие цены, а сам факт монопольно высокой цены устанавливается с учётом экономически обоснованных затрат на производство товара или услуги и соответствующей им нормальной прибыли. Критерии допустимости ценообразования на основе издержек в случае с цифровыми платформами дают сбой и не могут уже служить ориентиром для регулятора и для компании, добросовестно осуществляющей антимонопольный комплаенс [*Shastitko, Markova, Morozov*, 2024]. Для крупных компаний, которые строят сложную инфраструктуру для оказания разнообразных услуг на основе единой платформы, такая задача неразрешима и может закончиться лишь имитацией затратного подхода в ценообразовании как «принятие неизбежного» во взаимодействии с антимонопольным органом. В этой связи ещё более показательны комментарии Ховенкампа применительно к вопросу о допустимости цены в свете решения проблемы блокирования хищнического ценообразования. Они вполне могут быть применены и к противодействию монополистической деятельности в форме монопольно высокой цены: «…как определить такую цену, если издержки постоянно меняются? В этом случае антимонопольная мера просто превращается в регулирование цен под другим названием, а суды, как известно, в этом крайне неэффективны» [*Ховенкамп*, 2025. С. 151].

Наконец, принципиально важная особенность функционирования цифровых платформ — эксплуатация *сетевых эффектов*, о которых было известно задолго до появления известной статьи Роше и Тироля. Однако появление в фокусе анализа сетевых эффектов

[10] Напомним, что к косвенным сетевым внешним эффектам относятся выгоды, которые не учтены в системе цен и связаны с положительной зависимостью полезности одной функциональной группы пользователей (например, пассажиров такси) от численности другой группы (в данном случае — водителей).

с функционально разнородными группами пользователей платформ и осмысление проекции этого феномена на применение антимонопольных запретов фактически задаёт новую рамку. Ховенкамп особенно наглядно иллюстрирует данное обстоятельство на примере вопроса о разделении сетевых компаний, которое приводит к ухудшению пользовательского опыта [Там же. С. 98].

Строго говоря, сама возможность разделения компании (как это произошло, например, в случае с AT&T несколько десятилетий назад) не отвергается. Однако для избегания чрезмерного сопутствующего ущерба необходимо сохранение технической, функциональной совместимости, которое фактически означало бы в том числе и обеспечение взаимного подключения [Там же. С. 166–167] как способа интернализации сетевого внешнего эффекта. Однако автор «Технологических монополий» не забыл упомянуть об оборотной стороне совместимости: «если меры по обеспечению совместимости слишком широки, они в итоге превращают участников в одну гигантскую фирму» [Там же. С. 171].

Варианты регуляторной реакции

В сфере анализа возможных регуляторных ответов на вызовы, возникающие в связи с технологическими гигантами, в наибольшей степени проявляется, на наш взгляд, коузианская — по своим принципам — позиция Ховенкампа. При этом стоит подчеркнуть, что Ховенкамп хорошо знаком с работами нобелевского лауреата по экономике Р. Коуза: он часто адресуется к ним в своих статьях, в том числе критически [*Hovenkamp*, 2009a; *Hovenkamp,* 2009b; *Hovenkamp,* 2011], и даже написал статью о Рональде Коузе для Encyclopedia of Law and Economics (2026). Коузианство Ховенкампа — принципиальная приверженность позиции, что ни одна форма регуляторного вмешательства, как и отсутствие такого вмешательства, не могут быть признаны заведомо эффективными или неэффективными безотносительно знаний конкретных обстоятельств дела, а значит, выбор «ответа» на вызовы технологических монополий должен быть построен на аккуратном анализе выгод и издержек, исходя из задачи избегания чрезмерного сопутствующего ущерба от правоприменения.

Так, один из ключевых вопросов о пределах и перспективах антитраста в отношении технологических компаний, что, собственно, представляет собой тот проблемный аспект их деятельности, который может (подчеркнем, «может» — не значит «обязательно должен» и не значит «может эффективно») быть исправлен методами антимонопольной политики. Позиция Ховенкампа в этом вопросе, как представляется, достаточно умеренна. Источник угроз для конкуренции со стороны технологических компаний он видит не собственно в их размере (в отличие от необрандейзианцев) и даже не в их рыночной власти, а в выбираемых этими компаниями стратегиях поведения.

В частности, это выражается во взгляде Ховенкампа на различия европейского и американского антитраста. Специалистам в области антимонопольного права хорошо известно фундаментальное расхождение в европейской и американской правовой традиции в рамках жёсткого ядра антитраста. Напомним, что в жёсткое ядро антитраста входит противодействие индивидуальным монополистическим действиям участника рынка, противодействие коллективным антиконкурентным действиям и контроль сделок экономической концентрации. Если в части второго и третьего направлений наблюдается пусть не консенсус, но значительная степень совместимости позиций, то в части индивидуальных действий различия очень значительны.

Если в американском антимонопольном праве оперируют терминами монополизации рынка (индивидуальными действиями компании), то в европейском (как и в российском) праве существует чёткое разграничение на правовые нормы, определяющие характеристики доминирующего положения компании на рынке, и нормы, характеризующие злоупотребление таким положением. На этот счёт у Ховенкампа есть особое мнение

[*Ховенкамп*, 2025. С.125], аргументируемое им проблемой, с которой сталкивается американский антимонопольный орган в ситуации, когда крупная технологическая компания обладает значительной рыночной властью на одном рынке, но использует её в своих интересах на другом. В частности, действия Майкрософт — компании, являющейся безусловным лидером на рынке операционных систем для настольных и портативных компьютеров (около 64% [Там же. С. 143]) — могут приводить к негативным последствиям для конкуренции на смежных рынках, в данном случае на рынке браузеров, хотя собственно монополизации рынка браузеров, что запрещено актом Шермана, не происходит. Возможный вариант решения данной проблемы, по мнению Ховенкампа, — включение в антимонопольное законодательство США понятия «злоупотребление доминирующим положением». Мы не утверждаем, что это единственно правильно решение хотя бы потому, что, как известно, европейский подход в построении антимонопольной политики более юридический, а американский — более экономический. Однако эта позиция подчёркивает важный аспект взглядов Ховенкампа: он — сторонник принятия решений на основе фактических обстоятельств конкретного дела, поведения компаний и эффектов такого поведения, а не только и не столько рыночного положения фирм.

При этом Ховенкамп подчёркивает и ограниченность средств, доступных антимонопольному органу в качестве вариантов вмешательства. Антитраст, по Ховенкампу, — это не универсальный ответ, а система сложных инструментов, которые могут подходить или не подходить под конкретную задачу, и эффективность использования которых в каждом случае не гарантирована.

При этом Ховенкамп не отвергает никакие меры предписаний, включая принудительное разделение компаний, но в духе коузианства предлагает оценивать их сравнительную эффективность применительно к конкретным обстоятельствам дела, настаивая на необходимости избегания чрезмерного сопутствующего ущерба от правоприменения. Показано, что даже обеспечение функциональной совместимости и переносимости данных не являются универсальным ответом.

Обозначенная Ховенкампом проблема ограниченной эффективности предписаний усугубляется ростом неопределённости. И если в «Технологических монополиях» внимание сконцентрировано в первую очередь на неопределённости, связанной с возможностями появления новых технологий, то реальность сегодняшнего дня требует добавить и фактор геополитической неопределённости. Даже предписание, которое в определённый момент времени успешно решало проблему предотвращения ограничения конкуренции, при фундаментальном изменении обстоятельств может генерировать неожиданные эффекты[11].

Вместе с тем судебные запреты на исключающие (в отличие от эксплуатирующих) практики, по мнению Ховенкампа, более перспективны в инновационной среде. Действительно, попытки регулировать цены доминирующей на рынке компании — практически безнадёжное занятие в цифровой среде, если цель — поддержание инновационной активности и обеспечение выигрышей потребителей в долгосрочной перспективе (критерий достижения цели конкурентной политики!). Другое дело — судебные (а для российского антимонопольного правоприменения — ещё и административные) запреты на такие

[11] Подобная «слабость» антимонопольных предписаний как инструмента устранения/корректировки рыночных изъянов с определённой точки зрения может рассматриваться как аргумент в пользу ex ante регулирования, хотя Ховенкамп не развивает эту точку зрения. Однако мы знаем, что по пути ex ante регулирования деятельности платформ-гейткиперов (gate keepers) пошли, например, в ЕС — в виде Закона о цифровых рынках (Digital Markets Act). В России, напротив, некоторые вопросы, которые в ЕС потребовали введения наднационального регулирования, изначально решались через антимонопольное предписание по конкретному делу и лишь затем были закреплены в законе: так, например, разрешались вопросы национального и внутрисетевого роуминга [*Ионкина, Шаститко*, 2018]. Косвенно это может свидетельствовать о том, что предписания воспринимаются как результативный и, более того, эффективный инструмент: особенно с учётом издержек разработки и внедрения.

исключающие практики, как, например, соглашения, в рамках которых преимущество (установка по умолчанию) предоставлялось продуктам доминирующей (но на связанном рынке) компании.

Подобное расследование в своё время было одним из первых дел Федеральной антимонопольной службы против крупной технологической платформы. Речь идёт о деле «Яндекс против Google» 2015 г., в рамках которого предустановка поиска от Google на устройства с операционной системой Android вкупе с запретом на предустановку приложений, конкурирующих с пакетом сервисов Google[12], послужили основанием для признания Google нарушившей антимонопольное законодательство. Оспаривание принятого ФАС России решения в суде завершилось мировым соглашением[13]. Аналогичное расследование позже завершила Еврокомиссия[14]. Для России нет оценок эффективности предписания по делу «Яндекс против Google», но аналогичное предписание в ЕС, как показывает Ховенкамп, неэффективно: «И действительно, с тех пор как механизм выбора начал работать, доля Google Search на европейских устройствах Android почти не изменилась. Google утверждает, что это потому, что у компании более привлекательная поисковая система, в то время как конкуренты говорят, что это следствие ранее сформировавшихся предпочтений в пользу Google Search» [*Ховенкамп*, 2025. С. 150].

Заключение

Рефлексирующий правовед, погружённый в тонкости практики антимонопольного правоприменения и потому постоянно сталкивающийся с необходимостью применения концепций, разработанных экономистами, несёт в себе черты коузианца. Коузианца потому, что наряду с глубоким пониманием сути проблемы (в частности, природы вреда, причиняемого нарушителем антимонопольного законодательства — в терминах негативных экономических эффектов) и анализом различных вариантов корректировки функционирования рынков, в том числе рынков с цифровыми платформами, в качестве допустимой альтернативы при определённых условиях им рассматривается воздержание от корректирующих мер, пока не будут найдены новые, более эффективные инструменты конкурентной политики. В противном случае трудно понять важную оговорку об избегании чрезмерного сопутствующего вреда в рамках правоприменения. Таков Ховенкамп со всеми оговорками, обусловленными существующими ограничениями в организации междисциплинарного дискурса.

Некоторые вопросы, рассмотренные в книге, не нашли отражение в представленном обзоре в силу ограниченного объёма. Это, например, такие аспекты, как признание горизонтальных слияний (и в более широком смысле — практик, наращивающих рыночную власть) допустимыми на основе выигрышей в эффективности (так называемой «efficiency defense» по Уильямсону [*Williamson*, 1968]), патенты и патентные споры в свете ограничений конкуренции (которым уделена достаточно значимая часть книги), а также различные аспекты экономики права в части экономики судебных разбирательств (вопросы распределения бремени доказывания, судебных издержек и т.д.). Всё это — безусловно, важные сюжеты в контексте антимонопольной политики вообще и антимонопольной политики применительно к технологическим компаниям в принципе.

---

[12] В совокупности с рядом других обстоятельств, более подробно о которых можно прочитать в решении по делу: ФАС URL: https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-informatsionnyh-tehnologiy/ad-54066-15/ (дата обращения: 20.08.2026).

[13] ФАС заключила с Google мировое соглашение — Ведомости, 17.04.2017. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/04/17/686005-fas-google (дата обращения: 20.08.2026).

[14] European Comission, 18.07.2018. URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40099/40099_9993_3.pdf (access date: 20.08.2026).

В заключение хотелось бы отметить, что для тех, кто только знакомится с такой интересной областью исследований, как антитраст в цифровой среде, было бы полезно сформировать — на первое время — программу для чтения. В том числе:

1) [*Эзрахи, Стаки*, 2022] — непосредственно по теме антитраста в платформенной экономике. Более критический по отношению к цифровым компаниям взгляд, с более активными призывами к антимонопольному вмешательству;

2) [*Evans, Schmalensee*, 2016] — взгляд на экономику цифровых платформ от авторитетных экономистов, которые одними из первых занялись анализом платформ сквозь призму теории организации отраслевых рынков и антитраста;

3) [*Тироль*, 2020] — работа нобелевского лауреата о роли экономической науки в решении проблем, стоящих перед обществом. Работа в том числе содержит разделы по вызовам платформенной экономики;

4) [*Khan*, 2017, *Wu*, 2018] — для понимания истоков необрандейзианства;

5) [*Areeda*, *Hovenkamp*, 2020] — наиболее авторитетная работа за авторством самого Г. Ховенкампа (совместно с Ф. Аридой). Представляет собой многотомный справочный материал по антимонопольному законодательству и правоприменению в США. Цитировалась Верховным Судом США в более чем 50 делах.

ЛИТЕРАТУРА

Авдашева С.Б., Корнеева Д.В., Юсупова Г.Ф. (2025). Искусственный интеллект против картелей: чего (не) ждать? // *Вопросы экономики*. № 4. С. 34–54. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-4-34-54.

Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. (2010). Конкурентная политика: состав, структура, система // *Современная конкуренция*. №1. С. 5–20.

Арментано Д. (2005). *Антитраст против конкуренции.* — М.: Альпина Бизнес Букс.

Ионкина К.А., Шаститко А.Е. (2018). Отмена роуминга в Евросоюзе: уроки для России // *Современная конкуренция*. Т. 12. № 6. С. 16-26.

Мокир Дж. (2014). *Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс.* — М.: Издательство Института Гайдара.

Павлова Н.С., Шаститко А.Е. (2024). Микрооснования доминирования фундаментализма в экономической политике: есть ли антидот? // *Вопросы экономики*. №1. С. 94–114. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-94-114.

Ставнийчук А.Ю., Павлова Н.С. (2023). Эффекты антитраста: уроки для доказательной политики // *Вопросы экономики.* № 5. С. 68–90. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-68-90.

Тироль Ж. (2020). *Экономика для общего блага.* — М.: Изд-во Института Гайдара.

Ховенкамп Г. (2025). *Технологические монополии.* — М.: Изд-во Института Гайдара.

Цыганов А., Павлова Н. (2017). Многофункциональные антимонопольные органы в мировой практике: преимущества и риски // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 4. С. 29–50. DOI: 10.17323/1999-5431-2017-0-4-29-50.

Шаститко А.Е. (2012). Быть или не быть антитрасту в России? // *Экономическая политика*. № 3. С. 50–69.

Шаститко А.Е. (2021). Пигувианство против коузианства: кто кого? // *Экономическая наука современной России*. № 3. С. 49–57. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-49-57

Шаститко А.Е., Курдин А.А., Маркова О.А., Мелешкина А.И., Моросанова А.А., Павлова Н.С., Шпакова А.А. (2019). *Конкурентная политика: на стыке будущего и прошлого.* — М.: Издательский дом «Дело».

Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2020). Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства // *Вопросы экономики*. № 6. С. 37–55. DOI: 0.32609/0042-8736-2020-6-37-55.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2014). Эффекты «негостеприимной традиции» в антитрасте: деятельное раскаяние против соглашений о кооперации? // *Вопросы экономики.* № 3. С. 62–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-3-62-85.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2015). Программа ослабления наказания за участие в картеле // *Российское конкурентное право и экономика*. Т. 14. № 1. С. 20–32.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2022). Коузианство против пигувианства: идеи, ценности, перспективы // *Вопросы экономики*. № 1. С. 23–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2025). Риски внедрения ГИС «Антикартель» // *Экономическая политика*. Т. 20. № 2. С. 56–81. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-2-56-81.

Эзрахи А., Стаки М. (2022). *Виртуальная конкуренция: посулы и опасности алгоритмической экономики.* — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Areeda P.E., Hovenkamp H. (2020*). Antitrust law: An analysis of antitrust principles and their application*. 5th ed. — N. Y.: Wolters Kluwer.

Baye M.R., Wright J.D. (2011). Is Antitrust Too Complicated for Generalist Judges? The Impact of Economic Complexity and Judicial Training on Appeals // *Journal of Law and Economics*. Vol. 54(1). Pp. 1–24.

Boudreaux D.J., Di Lorenzo T.J. (1993). The protectionist roots of antitrust // *Review of Austrian Economics*. Vol. 6(2). Pp. 81–96.

Evans D.S., Schmalensee R. (2016). *Matchmakers: The New Economics of Multisided Platforms.* — Boston, MA: Harvard Business Review Press.

Ezrachi A. (2017). Sponge // *Journal of Antitrust Enforcement*. Vol. 5(1). Pp. 49–75. DOI: 10.1093/jaenfo/jnw011.

Hovenkamp H. (2009a). Neoclassicism and the Separation of Ownership and Control // *Virginia Law & Business Review*. Vol. 4. P. 373.

Hovenkamp H. (2009b). The Coase Theorem and Arthur Cecil Pigou // *Arizona Law Review*. Vol. 51. P. 633.

Hovenkamp H. (2011). Coasean markets // *European Journal of Law and Economics*. Vol. 31(1). Pp. 63–90. DOI: 10.1007/s10657-010-9197-4.

Katsoulacos Y., Avdasheva S., Benetatou K., Golovanova S., Makri G. (2021a). Comparing the Role of Economics/ Effects-Based in Antitrust Enforcement and Its Relation to the Judicial Review in the EC to Other Countries // *Journal of European Competition Law & Practice*. Vol. 12(2). Pp. 122–142. DOI: 10.1093/jeclap/lpab003.

Katsoulacos, Y., Avdasheva, S., Golovanova, S. (2021b). Determinants of the (Slow) Development of Effect-Based Competition Enforcement: Testing the Impact of Judicial Review on the Choice of Legal Standards by Competition Authorities // *Journal of Industry, Competition and Trade*. Vol. 21(1). Pp. 103–122. DOI: 10.1007/ s10842-020-00342-4.

Khan L.M. (2017). Amazon's Antitrust Paradox // *The Yale Law Journal* (*Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России). Vol. 126(3). Pp. 710–805.

Lianos I., Ivanov A. (2019). *Digital Era Competition BRICS Report*. URL: https://ssrn.com/abstract=3901413 or DOI: 10.2139/ssrn.3901413 (access date: 08.07.2026).

Rochet J.-C., Tirole J. (2003). Platform competition in two-sided markets // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 1(4). Pp. 990–1029.

Shastitko A.E, Markova O.A., Morozov A.N. (2024). Antitrust risks of platform pricing // *Russian Journal of Economics*. Vol. 10(2). Pp. 151–167. DOI: 10.32609/j.ruje.10.117650

Williamson O.E. (1968). Economies as an Antitrust Defense: The Welfare Tradeoffs // *The American Economic Review*. Vol. 58. No. 1. Pp. 18–36.

Wu T. (2018). *The Curse of Bigness: Antitrust in the New Gilded Age.* — N. Y.: Columbia Global Reports.

REFERENCES

Areeda P.E., Hovenkamp H. (2020*). Antitrust law: An analysis of antitrust principles and their application*. 5th ed. — N. Y.: Wolters Kluwer.

Armentano D. (2005) *Antitrust and Monopoly: Anatomy of a Policy Failure.* — M.: Alpina Business Books. (In Russ.).

Avdasheva S.B., Korneeva D.V., Yusupova G.F. (2025). Artificial intelligence against collusion: What (not) to expect? // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 34–54. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-4-34-54 (In Russ.).

Avdasheva S.B., Shastitko A.E. (2010). Competit ion policy: composition, structure, system // *Journal of Modern Competition*. No 1. Pp. 5–20. (In Russ.).

Baye M.R., Wright J.D. (2011). Is Antitrust Too Complicated for Generalist Judges? The Impact of Economic Complexity and Judicial Training on Appeals // *Journal of Law and Economics*. Vol. 54(1). Pp. 1–24.

Boudreaux D. J., Di Lorenzo T. J. (1993). The protectionist roots of antitrust // *Review of Austrian Economics*. Vol. 6(2). Pp. 81–96.

Evans D.S., Schmalensee R. (2016). *Matchmakers: The New Economics of Multisided Platforms.* — Boston, MA: Harvard Business Review Press.

Ezrachi A. (2017). Sponge // *Journal of Antitrust Enforcement*. Vol. 5(1). Pp. 49–75. DOI: 10.1093/jaenfo/jnw011.

Ezrachi A., Stucke M.E. (2022). *Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy.* — M: Publishing house Delo RANEPA. (In Russ.).

Hovenkamp H. (2009a). Neoclassicism and the Separation of Ownership and Control // *Virginia Law & Business Review*. Vol. 4. P. 373.

Hovenkamp H. (2009b). The Coase Theorem and Arthur Cecil Pigou // *Arizona Law Review*. Vol. 51. P. 633.

Hovenkamp H. (2011) Coasean markets // *European Journal of Law and Economics*. Vol. 31(1). Pp. 63–90. DOI: 10.1007/s10657-010-9197-4.

Hovenkamp H. (2025). *Tech monopoly.* — M.: Gaidar Institute Press. (In Russ.).

Ionkina K.A., Shastitko A.E. (2018). Removal of roaming in the EU: Lessons for Russi // *Journal of Modern Competition*. Vol. 12(6). Pp. 16–26. (In Russ.).

Katsoulacos Y., Avdasheva S., Benetatou K., Golovanova S., Makri G. (2021a). Comparing the Role of Economics/ Effects-Based in Antitrust Enforcement and Its Relation to the Judicial Review in the EC to Other Countries // *Journal of European Competition Law & Practice*. Vol. 12(2). Pp. 122–142. DOI: 10.1093/jeclap/lpab003.

Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2021b). Determinants of the (Slow) Development of Effect-Based Competition Enforcement: Testing the Impact of Judicial Review on the Choice of Legal Standards by Competition Authorities // *Journal of Industry, Competition and Trade*. Vol. 21(1). Pp. 103–122. DOI: 10.1007/s10842-020-00342-4.

Khan L.M. (2017). Amazon's Antitrust Paradox // *The Yale Law Journal (*Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России)*. Vol. 126(3). Pp. 710–805.

Lianos I., Ivanov A. (2019). *Digital Era Competition BRICS Report*. URL: https://ssrn.com/abstract=3901413 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3901413 (access date: 08.07.2026).

Mokyr J. (2014). *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress.* — M.: Gaidar Institute Press. (In Russ.).

Pavlova N.S., Shastitko A.E. (2024). Microfoundations of dominance of fundamentalism in economic policy: Is there an antidote? // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 94–114. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-94-114 (In Russ.).

Rochet J.-C., Tirole J. (2003). Platform competition in two-sided markets // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 1(4). Pp. 990–1029.

Shastitko A.E., Markova O.A., Morozov A.N. (2024). Antitrust risks of platform pricing // *Russian Journal of Economics*. Vol. 10(2). Pp. 151–167. DOI: 10.32609/j.ruje.10.117650.

Shastitko A.E. (2012). Antitrust in Russia: To be or not to be? // *Economic Policy*. No. 3. Pp. 50–69. (In Russ.).

Shastitko A.E. (2021). Piguvianism vs. Coasianism: Who Wins? // *Economics of Contemporary Russia*. No. 3. Pp. 49–57. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-49-57. (In Russ.).

Shastitko A.E., Kurdin A.A., Markova O.A., Meleshkina A.I., Morosanova A.A., Pavlova N.S., Shpakova A.A. (2019). *Competition and competition policy: At the junction between the future and the past.* — M.: Delo. (In Russ.).

Shastitko A.E., Markova O.A. (2020). An old friend is better than two new ones? Approaches to market research in the context of digital transformation for the antitrust laws enforcement // *Voprosy ekonomiki*. No. 6. Pp. 37–55. DOI: 0.32609/0042-8736-2020-6-37-55. (In Russ.).

Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2014). Effects of Hostile Tradition in Antitrust: Active Repentance versus Cooperation Agreements? // *Voprosy ekonomiki*. No. 3. Pp. 62–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-3-62-85.

Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2015). Leniency program for cartel participation // *Russian competition law and economics*. Vol. 14(1). Pp. 20–32. (In Russ.).

Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2022). Pigouvian vs. Coasian approach: Ideas, values, perspectives // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 23–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46. (In Russ.).

Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2025). Risks From Introducing the Anticartel Government IT System // *Economic Policy*. Vol. 20(2). Pp. 56–81. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-2-56-81. (In Russ.).

Stavniychuk A.Y., Pavlova N.S. (2023). Antitrust's effects: Lessons for evidence-based policy // *Voprosy ekonomiki*. No. 5. Pp. 68–90. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-68-90. (In Russ.).

Tirole J. (2020). *Economics for the common good.* — M.: Gaidar Institute Press. (In Russ.).

Tsyganov A., Pavlova N. (2017). Multifunctional Competition Authorities in World Practice: Benefi ts and Risks // *Public Administration Issues*. No. 4. Pp. 29–50. DOI: 10.17323/1999-5431-2017-0-4-29-50. (In Russ.).

Williamson O.E. (1968). Economies as an Antitrust Defense: The Welfare Tradeoffs // *The American Economic Review*. Vol. 58. No. 1 Pp. 18–36.

Wu T. (2018). *The Curse of Bigness: Antitrust in the New Gilded Age.* — N. Y.: Columbia Global Reports.

Шаститко Андрей Евгеньевич
ORCID: 0000-0002-6713-069X
aes99@yandex.ru

Andrey Shastitko
Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Competition and Industrial Policy, Faculty of Economics, Moscow State University; Director of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
ORCID: 0000-0002-6713-069X
aes99@yandex.ru

Павлова Наталья Сергеевна
ORCID: 0000-0002-9416-4086
pavl.ns@yandex.ru

Natalia Pavlova
PhD (economics), Senior Researcher of Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
ORCID: 0000-0002-9416-4086
pavl.ns@yandex.ru

HOW IS CONSTRUCTIVE INTERDISCIPLINARY DISCOURSE BENEFICIAL TO ANTITRUST IN THE DIGITAL ERA? (ON HERBERT HOVENKAMP'S "TECH MONOPOLY")

Abstract. The article presents reflections on the book «Tech Monopoly» by Herbert Hovenkamp, a leading expert in antitrust law, in light of the evolving exchange of ideas between specialists in economic theory (primarily industrial organization) and competition law in the context of the pervasive spread of digital technologies. Comments are provided on the explanation of certain general limits of antitrust (competition) policy in view of a retrospective of interdisciplinary discourse and the approach proposed by Hovenkamp. The article examines variants of anticompetitive conduct by large tech companies, according to Hovenkamp, in the context of such key characteristics of the regulatory object as two-sided markets, digital content, and network effects. The characteristics of the regulatory response to new challenges are revealed, and it is shown why the vision of the subject presented by the author of "Tech Monopoly" can be qualified in terms of a Coasean approach.

Keywords: *antitrust, Coasean approach, interdisciplinary discourse, restrictions on competition, tech companies.*
JEL: A12, K21, L40.